

Информация для цитирования:

Пасс А. А. Частное предпринимательство в советской промышленной кооперации во второй половине 1940-х годов / А. А. Пасс, В. М. Дида // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 5. — С. 523—545. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-523-545.

Pass, A. A., Dida, V. M. (2026). Private Entrepreneurship in Soviet Handicraft Cooperatives in Second Half of 1940s. *Nauchnyi dialog*, 15 (5): 523-545. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-523-545. (In Russ.).

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Частное предпринимательство в советской промышленной кооперации во второй половине 1940-х годов

Пасс Андрей Аркадьевич
orcid.org/0000-0002-5904-0643
доктор исторических наук,
профессор кафедры политических наук
и международных отношений,
корреспондирующий автор
pass_andrey@mail.ru

Дида Вадим Маркович
orcid.org/0009-0009-4444-546X
аспирант кафедры политических наук
и международных отношений
dida_vadim@mail.ru

Челябинский
государственный университет
(Челябинск, Россия)

Благодарности:
Исследование выполнено за счет гранта
Российского научного фонда
и Правительства Челябинской области
№ 25-28-20066, соглашение от 14.05.2025,
<https://rscf.ru/project/25-28-20066/>

Private Entrepreneurship in Soviet Handicraft Cooperatives in Second Half of 1940s

Andrey A. Pass
orcid.org/0000-0002-5904-0643
Doctor of History, Professor,
Department of Political Sciences
and International Relations,
corresponding author
pass_andrey@mail.ru

Vadim M. Dida
orcid.org/0009-0009-4444-546X
Postgraduate student, Department
of Political Sciences
and International Relations
dida_vadim@mail.ru

Chelyabinsk State University
(Chelyabinsk, Russia)

Acknowledgments:
The study is supported by Russian Science
Foundation and the Government Chelyabinsk
Region, project number № 25-28-20066,
agreement dated 14.05.2025,
<https://rscf.ru/project/25-28-20066/>

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Проведено исследование взаимодействия кооперативных предприятий с лицами, занимающимися запрещенной частнопредпринимательской деятельностью в 1947—1950 годах. Представлены мнения ведущих отечественных и зарубежных исследователей по заявленной теме. В качестве источников привлечены опубликованные и архивные документы, мемуары, материалы прессы. Выполнен обзор послевоенных правительственных постановлений, которые свидетельствовали о расширении сферы денежных мотиваций и самостоятельно принимаемых решений в рамках поддержки кооперативного сектора. Проанализирована проблемная ситуация, сложившаяся в промышленной системе Челябинской области. Утверждается, что острый кризис жизнеобеспечения, свойственный милитаризованному советскому обществу, побудил экономических агентов, связанных с удовлетворением бытовых запросов населения, к апробации незаконных деловых практик. Предложена их интерпретационная модель. Показана ответная реакция государственных контрольных органов на распространение теневых операций, проводимых под прикрытием артелей. Сделан вывод, что применение уголовно-репрессивных мер было продиктовано приоритетом идеологии над прагматическими соображениями, помешавшим использовать функционал производственных кооперативов в достижении устойчивого равновесия на потребительском рынке.

Ключевые слова:

послевоенный СССР; рынок потребительских товаров и услуг; кооперативная промышленность; частное предпринимательство; государственный контроль.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study investigates the interactions between cooperative enterprises and individuals engaged in prohibited private entrepreneurial activities during the years 1947 to 1950. It presents the perspectives of leading domestic and international researchers on the subject. The research utilizes a variety of sources, including published and archival documents, memoirs, and press materials. A comprehensive review of post-war government decrees is conducted, highlighting the expansion of monetary motivations and autonomous decision-making within the cooperative sector. The analysis focuses on the problematic situation that developed within the handicraft system of the Chelyabinsk region. It is argued that the acute crisis of livelihood, characteristic of a militarized Soviet society, compelled economic agents involved in meeting the everyday needs of the population to experiment with illegal business practices. An interpretative model for these practices is proposed. The study also illustrates the response of state control bodies to the proliferation of shadow operations conducted under the guise of cooperatives. The conclusion drawn is that the application of criminal and repressive measures was driven by a prioritization of ideology over pragmatic considerations, which hindered the effective use of cooperative enterprises to achieve a sustainable equilibrium in the consumer market.

Key words:

post-war USSR; consumer goods and services market; cooperative industry; private entrepreneurship; state control.

УДК 94(47).084.8+94(470.55)“194”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-5-523-545

Научная специальность ВАК
5.6.1. Отечественная история

Частное предпринимательство в советской промысловой кооперации во второй половине 1940-х годов

© Пасс А. А., Дида В. М., 2026

1. Введение = Introduction

После разгрома и безоговорочной капитуляции гитлеровской Германии наша страна столкнулась с рядом внешне- и внутривосточных вызовов, которые требовали своевременных и адекватных ответов. В Европе необходимо было укрепить и консолидировать режимы «народной демократии» перед лицом англосаксонского Запада, в Азии — помогать китайским коммунистам в их борьбе с Гоминьданом. Появление у США атомной бомбы и начало холодной войны как формы противостояния двух общественных систем — капитализма и социализма — обусловили необходимость дальнейшего укрепления обороноспособности и ускоренной разработки собственного ядерного оружия. Реализация данных проектов ложилась тяжелым бременем на истощенное войной народное хозяйство.

Между тем для большинства людей, пострадавших в годы лихолетья, основным поведенческим императивом стало стремление к сытой, благополучной и спокойной жизни. С наступлением мира вопрос о состоянии потребительского рынка товаров и услуг занял видное место в социальной повестке дня. Одновременно переориентировать на выпуск гражданской продукции флагманы индустрии не представлялось возможным. Поэтому власти сделали ставку на компактные кооперативные товарищества, которым поставили задачу перейти от выполнения военных заказов, прямого или косвенного обслуживания государственных структур к массовому выпуску товаров ширпотреба.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

Источниковой базой работы послужили периодическая печать, опубликованные документы и неопубликованные материалы, почерпнутые в двух федеральных (ГАРФ, РГАЭ) и одном региональном (ОГАЧО) архивах. В правительственных постановлениях, совместных решениях бюро

партийных комитетов и исполкомов Советов, справках и отчетах ответственных лиц отражены вопросы руководства кооперативными предприятиями. Статистические данные дают представление об эволюции промкооперативной системы в исследуемый период. На страницах областной прессы освещались текущие события из жизни артельщиков. В контексте заявленной темы хорошей информативностью обладают обследования низовых товариществ и их отраслевых объединений, которые проводились контрольными инстанциями. Из делопроизводственных бумаг областных промысловых союзов были почерпнуты сведения, касающиеся организации производства и сбыта, финансового и кадрового обеспечения, а также витальных стратегий в условиях послевоенной конверсии.

Авторы опирались на историческую реконструкцию, проблемно-хронологический, ситуационный и ретроспективный анализ. В качестве общенаучного ориентира была избрана институциональная теория. Одно из ее ключевых положений заключается в том, что между крупной индустрией и так называемым «свободным предпринимательством» существует противоречие. Первая нацелена на увеличение валового национального продукта и повышение эффективности общественного производства в целом и в силу этого пользуется неограниченной поддержкой правящего политического класса. Второе предполагает получение дохода исключительно для себя, вследствие чего не предполагает широкого представительства в публичных органах власти. Оба экономических уклада постоянно соревнуются в изобретении способов использования потенциалов друг друга. Также принимались во внимание особенности массового сознания, охватывающие мотивацию деятельности отдельных групп индивидов, их верования, ценности, традиции, привычки, которые проявляются в приоритете частной, коллективной или государственной собственности, виде и размере налогов, способах управления и арбитража, приемлемой норме прибыли, правилах торговли, законопослушности и проч.

Заявленная тема заинтересовала обществоведов сравнительно недавно. Советская историческая наука не считала ее значимой по идеологическим соображениям, поскольку предмет исследования якобы утратил актуальность в 1960 году, когда кооперативные предприятия были, как тогда казалось, окончательно национализированы. А зарубежные ученые, понимая, что запрещенное частное предпринимательство даже в период позднего сталинизма играло заметную роль в повседневной жизни [Millar, 1981, pp. 36, 37], не могли убедительно аргументировать свою позицию из-за недоступности российских архивов. Только в 1990-е годы все препятствия для объективного обсуждения этого вопроса были устранены. К настоящему времени накоплен значительный массив профильных публика-

ций, которые нуждаются в квалифицированной оценке, необходимой для понимания дальнейших перспектив и направлений исследования.

Пионером выступила профессор Орегонского университета (США) Джули Хесслер, изучившая фонды нескольких федеральных и региональных хранилищ. В 1998 году она написала статью с интригующим названием «Послевоенная перестройка? К истории частного предпринимательства в СССР» [Hessler, 1998, pp. 516—542], где высказала мысль о том, что эпизод второй половины 1940-х годов является ключевым в развитии как государственной политики в отношении частного сектора, так и самого частного сектора, а кустарные производства, несмотря на их принадлежность к «серой» зоне плановой экономики, сохранялись в качестве своеобразного «предохранительного клапана» и для потребителей, и для поставщиков.

Исследователь пришла к заключению, что рыночная торговля продолжала оставаться всеобщим занятием и основным каналом для приобретения продуктов питания и потребительских товаров до тех пор, пока дефицит окончательно не уменьшился в 1949—1950 годах [Hessler, 1998, pp. 529—531, 533]. В своей монографии, изданной в 2004 году, она попыталась классифицировать формы теневого взаимодействия промысловых товариществ с частными предпринимателями. Среди наиболее распространенных назывались сдача артелью каких-либо активов в аренду и работа под ее вывеской на сторону [Hessler, 2004, pp. 285, 286].

Профессор Мельбурнского университета Марк Эдель тоже принял участие в дискуссии. Согласно его точке зрения, «большая часть кустарного производства к 1948 году осуществлялась в частном порядке, порой нелегально» [Edele, 2011, p. 202]. Готовые изделия продавались самими производителями или посредниками на открытых базарах, которые являлись центрами обмена во время и после войны. Историк полагает, что производственные кооперативы всегда были склонны скатываться к запрещенным практикам, поэтому их можно характеризовать такими понятиями, как «вторая экономика», «контрэкономика» или «черный рынок» [Ibid., p. 203].

С данными выводами согласился ученый из университета Вудбери (США) Джеймс Робертсон, который подчеркнул, что, поскольку «экономические практики “высокого сталинизма” часто имели место вне сферы компетенции государства, чиновники вынуждены были принимать новые стратегии, чтобы сделать эту деятельность прозрачной» [Robertson, 2017, pp. 396—401].

В российской историографии первенство в изучении темы принадлежит кандидату исторических наук В. А. Осипову. Он реконструировал дискуссию в центральных органах власти о путях развития кооперативной и местной промышленности в 1948—1949 годах и описал методы ее очи-

щения от «спекулятивных элементов» Автор посчитал, что поставленной цели — «сбить активность частника и вернуть его в нужные государству рамки» — достичь не удалось, так как частная хозяйственная деятельность постоянно усложнялась и искала новые лакуны в законодательстве и экономике [Осипов, 2003].

Эстафету подхватил С. В. Шейхетов. По его мнению, кампания 1948 года не имела продолжения, поскольку отсутствовала единая, продуманная политика в отношении частного предпринимательства, а сам вопрос являлся полем столкновения интересов сразу нескольких ключевых министерств и заложником предвзято-негативного отношения отдельных руководителей. В то же время чиновники на местах перестали видеть в доморощенных «бизнесменах» классовых врагов, ведь сотрудничество с ними приносило деньги и дефицитные товары. Поэтому во второй половине 1940-х годов процесс делового сближения неформальной и официальной элит шел особенно высокими темпами [Шейхетов, 2006, с. 200—203, 207].

На рубеже «нулевых» и «десятих» годов в обсуждении проблемы все отчетливее формируется региональный дискурс. В частности, Н. А. Чуваев, сфокусировавшись на анализе взаимодействия кустарей-одиночек и промысловых товариществ в послевоенном Алтайском крае, составил список кооператоров-частников. Среди них: взрослые члены семей артельщиков, работавшие на личных подворьях и выполнявшие на дому ремесленные заказы; домохозяйки, без патентного разрешения занимавшиеся пошивом и ремонтом одежды; потомственные умельцы, специализировавшиеся на изготовлении бытового инвентаря и дорожившие своим независимым статусом.

«Процветание» подпольных мастеров достигалось в том числе снисходительным отношением к ним представителей силовых структур, входивших в клиентуру¹, быстротой и качеством оказания услуг, невысокими ценами из-за экономии на налогах. В статье приведен перечень наиболее распространенных видов симбиоза промкооперации и частников.

В завершение автор предположил, что именно стремление воспрепятствовать бесконтрольному перемещению ценных ресурсов, прежде всего фондируемого сырья и грамотных кадров, из предприятий госпромышленности в частный сектор побудило власти ввести прямой запрет частно-предпринимательской деятельности [Чуваев, 2009, с. 191—202].

Интересные обстоятельства, имевшие непосредственное отношение к пониманию природы кооперативного «бизнеса» в конце 1940-х годов,

¹ Зачастую следственные органы намеренно отказывались возбуждать уголовные дела против частников, ссылаясь на «отсутствие юридических оснований» [Федин, 2011, с. 46—49].

выяснила Е. Д. Твердюкова. Суть в том, что при обобществлении принадлежащих членам артели средств производства их стоимость должна была засчитываться в паевой и вступительный взносы. Однако лица, располагавшие крупными суммами и каким-нибудь оборудованием, вступая в промышленное товарищество, настаивали на зачислении передаваемых активов в так называемые «спецсклады», где обычно учитывались излишки оборотных средств и сверхплановая прибыль. При выходе из кооператива таким «благодетелям» гарантировался возврат их собственности натурой или деньгами. Поэтому правление ими дорожило и назначало на ключевые должности. Таким образом и возникали лжеартели, где все полномочия и распределение доходов сосредоточивались в руках одного или нескольких компаньонов-подельников [Твердюкова, 2011, с. 279, 283, 284].

Спустя два года выходит статья И. А. Чуднова и В. А. Осипова, посвященная деятельности Главного управления по делам промышленной и потребительской кооперации (действовало с ноября 1946 года по июль 1950 года), а также его региональных органов. Авторы утверждают, что одной из основных задач нового ведомства с первых дней его существования стала борьба с нелегальным предпринимательством. Уже осенью 1947 года Главукооп издал несколько приказов, предписывающих искоренить влияние частных и спекулянтов в кооперативных организациях. Однако в 1949 году эта репрессивная кампания, воспринимавшаяся на местах довольно болезненно, пошла на спад, что свидетельствовало о ее несостоятельности в целом. Последнее выразилось в ухудшении финансового положения системы промкооперации и вынужденном уходе большинства «деловых людей» в «глубокое подполье» [Чуднов и др., 2013, с. 177, 178, 180, 181, 183].

В 2020 году В. В. Аксарин впервые раскрыл механизм функционирования аппарата старшего инспектора Главукоопа на примере Тюменской области. Он описал, как выстраивалась коммуникация с поднадзорными организациями и предприятиями. Среди типичных злоупотреблений отмечалось широкое привлечение в кооперативы частного производителя, использовавшего надомный труд, и многочисленные отступления от уставных требований по срокам созыва общих собраний пайщиков [Аксарин, 2020, с. 289, 290].

Наконец, совсем недавно, в 2025 году увидела свет статья А. В. Антошкина, выполненная на материалах Башкирии. В ней содержатся любопытные детали «сотрудничества» промысловиков с частными контрагентами, которые нередко обманывали своих партнеров, предъявляя для отчета по авансовым платежам товар, приобретенный по завышенной цене на ближайшей толкучке. Другим источником махинаций служили фиктив-

ные договоры на оказание бухгалтерских услуг и работ по составлению проектно-сметной документации. Порой деловая инициатива новоиспеченных членов товариществ сводилась к элементарной перепродаже на рынке дефицитных вещей и продуктов, приобретенных в государственных распределителях. В публикации обосновывается тезис, что противодействие частнику не сводилось исключительно к карательным мерам. Там, где было возможно, осуществлялась санация малых предприятий в виде их перепрофилирования на выпуск нужной населению продукции [Антошкин, 2025, с. 373—377, 382].

Вышеизложенное позволяет заключить, что заявленная научная проблема интенсивно обсуждается среди зарубежных и российских ученых. Достигнут консенсус в понимании феноменов легального и нелегального предпринимательства как совокупности витальных практик, распространенных среди разных слоев советских граждан, которые стремились выйти за жесткие рамки рационируемого потребления. Вместе с тем выяснение региональных особенностей институциональных форм, средств и способов повышения уровня жизни в послевоенном СССР, включая те, что предоставляла кооперативная промышленность, находится на начальной стадии. До сих пор нет удовлетворительного объяснения дискретности данного процесса, не раскрыто его влияние на векторы социально-экономического развития, настроения, мотивацию людей, степень их лояльности по отношению к существующей власти. Данная работа продиктована стремлением восполнить недостаток фундированных знаний в этой области.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Мероприятия властей по стабилизации товарного обращения

Уже 22 августа 1945 года Совнарком СССР принял постановление «О мероприятиях по увеличению производства товаров широкого потребления и продовольственных товаров предприятиями местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов». Оно означало частичное снятие с промартелей некоторых правовых и хозяйственных ограничений, введенных в годы Великой Отечественной войны, и создание для них более приемлемой институциональной среды. Смысл состоял в том, чтобы быстро и относительно безболезненно провести конверсию малого негосударственного сектора экономики и тем самым смягчить товарный голод.

Ранее промысловики поставляли в армию широкий ассортимент изделий: обмундирование и снаряжение, медико-санитарное имущество, ручные гранаты, корпуса мин и авиабомб, ящики артиллерийских снарядов, повозки и упряжь, строительные инструменты, лыжи, камуфляж,

консервы и проч. В июне 1945 года специальные задания с системы были сняты. Первоначально казалось, что прекращение договорных отношений с подрядчиками, связанными с оборонными ведомствами, позволит высвободить товароматериальные ценности для удовлетворения повседневных нужд граждан. Однако сокращение централизованных фондов, которыми подкреплялись поставки для армии, ставило кооператоров перед необходимостью искать альтернативные источники снабжения. Это было проблематично и как минимум требовало дополнительных усилий, деловой сметки, предприимчивости, умения налаживать полезные связи и учитывать сложившуюся конъюнктуру.

Намерение властей включить денежные механизмы и упрочить рыночные связи между местными производителями и потребителями наглядно проявилось в правительственном постановлении от 9 ноября 1946 года «О развертывании кооперативной торговли в городах и поселках продовольствием и промышленными товарами и об увеличении производства продовольствия и товаров широкого потребления кооперативными предприятиями». В нем говорилось о готовности предоставить товариществам ряд налоговых льгот и позволить им принимать более активное участие в ценообразовании на собственную продукцию. Главное же заключалось в том, что промысловой кооперации и кооперации инвалидов отныне позволялось открывать магазины и павильоны, палатки и ларьки и самостоятельно торговать в них товарами своего производства в городах, рабочих поселках и на селе по ценам, сложившимся на рынке, но не выше тех, что существовали в коммерческой торговле¹. Содержание и значение указанных документов уже анализировалось нами в предшествующих публикациях [Пасс и др., 2025; Pass et al., 2025], поэтому нет необходимости останавливаться на этом подробно.

Параллельно в начале июля 1946 года по решению союзного Совета Министров и приказу Министерства торговли магазины сети «Особунивермаг», занимавшиеся продажей дефицитных товаров, обязали снизить цены на весь имевшийся ассортимент. Акция вызвала настоящий ажиотаж. Модельные женские туфли подешевели с 3700 руб. до 1800 руб., знаменитые галоши — с 700 руб. до 300 руб. Сметалось с полок готовое платье, шерстяные ткани, трикотаж, алюминиевая посуда, мыло, обои и проч. Дневной товарооборот вырос в 5,5 раза, и понадобились дополнительные поставки [ОГАЧО, ф. 288, оп. 10, д. 311, д. 82, 83].

Теперь известно, что в краткосрочной перспективе власти готовились осуществить большой комплекс мероприятий по стабилизации финансово-

1 Последние, как известно, в несколько раз, а то и на порядок превышали «пайковые» расценки, по которым реализовывались продукты и промтовары по карточкам.

го и товарного обращения, связанный с изъятием «лишних» денег, отменой карточек и возвращением к свободной торговле. Консультации по данному вопросу на уровне ключевых наркоматов были инициированы И. В. Сталиным еще в конце 1943 года [Зверев, 2012, с. 78]. Но вмешался природный катаклизм. Небывалая засуха, охватившая в 1946 году наиболее плодородные районы, серьезно осложнила положение. В сентябре Правительству пришлось снять с гарантированного снабжения хлебом десятки миллионов человек и увеличить пайковые цены на продукты примерно в 3 раза. Некоторое повышение заработной платы не могло компенсировать потери. Многие члены промысловых артелей, которые лишались доступа к нормированному обеспечению продовольствием, вынуждены были увольняться в поисках лучшей доли.

Имелись и другие факторы, негативно влиявшие на возможности промкооперативной системы по насыщению потребительского рынка. Так, из заключения Челябинской областной конторы Торгбанка по годовому отчету управления промкооперации за 1946 год явствовало, что из 98 артелей план выполнили лишь 18. Выпуск продукции по сравнению с 1945 годом сократился на 12,1 тыс. руб. Наибольшее отставание от намеченных показателей наблюдалось по ремонту обуви (55 %), одежды (62 %), саням (44,4 %), мылу (38 %), гончарной посуде (61 %). На треть меньше, чем ожидалось, было открыто мастерских по удовлетворению бытовых нужд населения. Текущее кадров достигла 38 %. Собственные заготовки сельскохозяйственных продуктов и сырья составили только 40 % от требуемого уровня. Плохое качество предметов ширпотреба привело к заговаренности, снижению цен на них и убыткам в размере 746 тыс. руб. При росте себестоимости падала производительность труда. Проваленным оказалось капитальное строительство. Неликвидные балансы имели 30 артелей из 99, вследствие чего промысловики недополучили 4080 тыс. руб. накоплений. Ревизии выявили хищения на сумму 748 тыс. руб. Если к этому добавить постоянно увеличивавшуюся кредиторскую задолженность, картошку по расчетным счетам и невыплату заработной платы, долг по которой достигал 6 месяцев, то получится весьма унылая картина положения кооперативной промышленности Южного Урала в первый послевоенный год.

Программа оздоровления промсистемы первоначально включала в себя такие меры, как дальнейшее снятие непрофильных заказов, ускоренный переход на обслуживание неудовлетворенного покупательского спроса через расширение действующих и ввод в строй новых предприятий, вовлечение в оборот местных ресурсов и отходов гигантов индустрии. Также предлагалось организовать межрайонные курсы повышения квалификации руководящего состава, осуществлять ежемесячный мониторинг

финансового состояния каждого подразделения, развернуть собственные торговые точки и заготовительные пункты, пересмотреть нормы расхода материалов и расценок в сторону их снижения, ввести обязательную калькуляцию себестоимости и прибыльности на весь ассортимент производимой продукции [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 38, л. 68].

3.2. «Проникновение» частника в промышленную кооперацию

Указанные меры диктовались здравым смыслом, находили поддержку у местных партийных и советских органов, однако для их реализации нужны были время и упорство. А как свести концы с концами здесь и сейчас, чтобы не доводить дело до закрытия артели со всеми вытекающими последствиями? Именно такая задача стояла перед многими руководителями низовой сети, особенно если среди работников преобладали лица с ограничениями по здоровью, вдовы и несовершеннолетние дети погибших воинов, молодежь без специальности, пенсионеры.

Самое простое решение заключалось в поиске энергичных компаньонов — толкачей, снабженцев, заготовителей и посредников-перекупщиков, работавших на проценте со сделок, умевших обзаводиться нужными связями и обладавших ценным опытом проведения «выгодных» операций. Эти люди отличались готовностью идти на риск, умением действовать в условиях неопределенности, сноровкой, смекалкой и находчивостью [Аполовников и др., 2021, с. 215—261]. Для многих из них доверенность, выданная промысловиками, или агентский договор предоставляли шанс легализовать свою бурную деятельность.

Так, в 1947 году саткинская артель инвалидов «Интруд» из Вехнеуральского района Челябинской области приняла в члены некоего Ким Хок Сона, иностранного подданного, не имевшего даже права на жительство в РСФСР. Новоиспеченный «кооператор» открыл под вывеской товарищества шашлычную, получил от его имени патент, наряды на вино и продукты и за это обязался ежегодно платить по 50 тыс. руб. Идея оказалась настолько прибыльной, что вскоре посетителей принимала не одна закусовая, а три с наемным персоналом в 15 человек. В ходе проверки, проведенной старшим инспектором Главного управления по делам промышленной и потребительской кооперации при Совете Министров СССР (Главукооп) С. С. Гончаровым, афера вскрылась, и ее организатора осудили к 10 годам тюрьмы [ОГАЧО, ф. 1318, оп. 2, д. 64, л. 132].

Описанный пример был не единичным. Коркинская «Победа», находившаяся в ведении облкоопинсоюза, по причине задолженности Госбанку по ссудам не смогла продлить регистрацию и выкупить патенты. Чтобы избежать ликвидации, пищевое, швейное и овчинное производства пришлось отдать в аренду. В первой половине 1948 года за похожие правонарушения

в прокуратуру Челябинской области передали материалы на целую группу руководителей инвалидных артелей: Слипченко, Севастьянова, Липина и др. Ответ надзорного органа обескуражил рьяных борцов с частным капиталом: сообщалось об отказе в возбуждении уголовного дела «по мотивам отсутствия денежных средств в кооперативных организациях», повлекшего задолженность по зарплате. Как видим, даже в то суровое время здравый смысл иногда преобладал над идеологической зашоренностью.

В товариществах с полноценной рабочей силой также были вскрыты многочисленные факты частнопредпринимательской деятельности. Заведующий сапожным цехом троицкой «Кооперативной жизни» А. Ранев устроил обувную мастерскую в собственном доме, а деньги за выполненные заказы присваивал. В артели «XX лет Октября» фотоателье было передано постороннему человеку по фамилии Владимиров. Он располагал несколькими фотоаппаратами, наловчился добывать дефицитные реактивы и фотобумагу, за что правление выплачивало ему 60 % от выручки.

Иногда семейные отношения служили надежной гарантией безопасности личного «бизнеса». Иллюстрацией сказанному является история лудильщика Широкова, младшего брата председателя челябинской артели «Кузнец», самовольно открывшего на городском базаре приемный пункт. Кроме починки бытовой утвари он во главе бригады «шабашников» занимался остеклением и кровлей домов. Все полученные средства тратил на собственные нужды [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 354, л. 126, 130, 131]. Промысловый кооператив «Кожобувь», крупнейший на Южном Урале, объединявший 700 членов, имевший собственный кожевенный завод, пимокатный цех и обувную фабрику, был известен в народе как «Братья Злотник и кампания». Глава «фирмы», директор по производству и еще 8 человек руководящего состава являлись близкими родственниками. Благодаря круговой поруке они превратили коллективное предприятие в частную лавочку, где каждый ежемесячно получал многотысячный доход [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 720, л. 130].

Однако подобные персонажи все чаще не только не порицались в глазах общественности, а, напротив, воспринимались публикой как знаковое явление. Любопытный эпизод произошел 4 августа 1947 года в г. Миассе (Челябинская область) во время ознакомления трудящихся с двумя Указами Верховного Совета СССР, датированными 4 июня 1947 года: 1) «Об уголовной ответственности за хищение государственного и общественного имущества»; 2) «Об усилении охраны личной собственности граждан». И организаторы собрания — работники горкома партии, и его участники искренне полагали, что обсуждают один указ под названием «О мерах наказания за хищение частной и охране государственной собственности». Они связывали его появление с грядущей отменой нормированного снабжения

и выражали надежду на снижение количества привлекаемых к ответственности за экономические преступления [ОГАЧО, ф. 288, оп. 11, д. 189, л. 18]. Здесь налицо когнитивные искажения, которые вызваны тем, что массы восприняли действия властей в русле понятной и ставшей уже привычной логики повседневности.

Между тем из материалов самопроверок, осуществляемых ревизорами облпромсоюзов на местах, следовало, что практически в каждом третьем товариществе орудовали частные предприниматели. На Южном Урале наибольшую активность они демонстрировали в швейном и пищевом производствах [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 43, л. 4—6]. Кроме того, устойчивый характер хозяйственные правонарушения приобрели в организации кооперативных заготовок и оказании услуг населению.

3.3. Кампания по изгнанию частнопредпринимательских элементов из кооперативной промышленности

Собранные данные стекались в центральный аппарат Главкукоопа, где пришли к выводу, что таким образом паразитические элементы разрушают промысловую систему изнутри, уводя ее в теневой сектор и лишая мотивации честных тружеников. Было решено реагировать. Только в период с января 1947 года по январь 1948 года увидели свет 6 приказов, нацеленных на удаление «дельцов-спекулянтов» из заготовительной деятельности, предприятий бытового обслуживания, надомной работы. О принятых мерах проинформировали заместителя председателя СМ СССР А. Н. Косыгина.

Начинание поддержало Министерство государственного контроля, которое, в свою очередь, 13 января 1948 года поставило в известность члена Политбюро, первого заместителя СМ СССР В. М. Молотова об извращении советских законов в работе промысловой кооперации и кооперации инвалидов. Сопоставив имеющиеся данные, Правительство страны издало 14 апреля 1948 года постановление № 1229 «О проникновении частного в кооперацию и предприятия местной промышленности». В нем подверглись критике (а впоследствии были сняты с работы) некоторые руководители центральных и региональных органов Министерства финансов, прокуратуры, промысловых объединений «за потворство частным предпринимателям и сращивание с ними». Началась широкомасштабная кампания по чистке артелей от враждебных элементов¹.

В первых числах мая 1948 года обком партии обязал руководителей кооперативных организаций Челябинской области провести фронтальную про-

1 Похожий эксперимент проводился в конце 1920-х годов. Тогда тоже развернулась борьба с лжекооперативами, и менее чем за год в РСФСР прекратили деятельность 630 промысловых товариществ. Только развернувшаяся в стране коллективизация побудила власти прекратить гонения на малые негосударственные предприятия [Пасс, 2002, с. 34, 35].

верку всех подотчетных предприятий с привлечением инспекторов Главукоопа и следователей облпрокуратуры. Параллельно облисполком потребовал создать при каждом совете депутатов трудящихся комиссии «по выявлению частников и усилению борьбы с ними». К концу 1948 года все без исключения артели Челябинской области подверглись тщательному обследованию.

Выяснилось, что многие продолжали активно контактировать с лицами, занимавшимися незаконной предпринимательской деятельностью. Так, пимокаты еманжелинской «Зари» в рабочее время выполняли сторонние заказы. В усть-катавской «Родине» каждый мастер имел патент, позволявший трудиться на дому. Понятно, что установленный план выполнять им было некогда. Красноармейская «Новая жизнь» произвольно назначала цены на свою продукцию, выдавала крупные авансы наличными деньгами случайным партнерам, не вела учет поступления и расхода сырья, то есть фактически «ушла в тень». Промысловый кооператив «Пролетарский труд» организовал подпольную скотобойню, причем мясо реализовывалось на рынках Свердловской области по спекулятивным ценам. За это заготовитель, забойщик и продавец получали почти треть от всей прибыли.

Материалы по каждому из выявленных нарушений были направлены в прокуратуру. Лишились должностей и попали под следствие 16 председателей артелей и 2 руководителя областных кооперативных союзов, еще 11 работников аппарата получили дисциплинарные взыскания. В промкооперацию возвратили 13 предприятий, попутно избавившись от посредников и перекупщиков. Удалось полностью искоренить работу без патентов. Одну лжеартель ликвидировали. В следующем 1949 году проверки продолжались, и они, если доверять официальным справкам, свидетельствовали об относительном оздоровлении системы. Замечания в основном касались неправильного оформления квитанций, отсутствия журнала приема-сдачи заказов, а также допущенных растрат и хищений. Уголовные дела были заведены на 9 человек, десятерым объявили выговор. За два года по обвинению в частнособственнических настроениях из членов артелей исключили 378 человек [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 354, л. 128; ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 43; л. 3, 31, 32, 61, 62, 68, 69; д. 44, л. 49].

Одним из методов «наведения порядка» было создание старшими инспекторами Главукоопа агентурной сети информаторов в подконтрольных кооперативных организациях по аналогии с той, которая существовала при ОБХСС. В нее негласно и добровольно вступали артельщики из числа комсомольцев и коммунистов, сигнализовавшие о замеченных злоупотреблениях. Именно с их помощью ревизор Козинин раскрыл в 1949 году присвоение 270 тыс. руб. семьей Злотников, «приватизировавших» товарищество «Кожобувь». Он же, опираясь на информаторов, пресек деятельность

председателя тройки артели «Кооперативная жизнь» Захарова, в бытность секретаря райкома ВКП(б), занимавшегося скупкой и перепродажей легковых автомашин. Сам он ездил на «Победе», а работники вверенного ему предприятия 5 месяцев оставались без зарплаты [РГАЭ, ф. 8090, оп. 1, д. 720, л. 128—132].

За 1950 год на предприятиях, подчиненных региональному Управлению промкооперации, обнаружили только 8 фактов использования активов в целях личной наживы, а облкоопинсоюз вообще перестал отражать эти сведения в годовых отчетах и докладах съездам уполномоченных, что говорило о постепенном свертывании кампании [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 46, л. 10]. По-видимому, в верхах возобладало мнение о ее бесперспективности, неоправданно высоких издержках и необходимости пересмотра базовых принципов кооперативной политики. Наверняка сыграло роль подспудное недовольство по поводу жесткого курса со стороны тех, кто, используя предоставленные полномочия, прямо или косвенно выступал бенефициаром «предпринимателей», из корыстных соображений избежавших регистрации и налогообложения.

Думается, что в рамках журнальной статьи нет необходимости заниматься скрупулезным описанием многообразных форм сотрудничества промысловой кооперации с «частником» в первые послевоенные годы. Гораздо важнее, опираясь на достигнутый уровень научного знания, дать их классификацию, предложить объяснительную модель и показать итоги этого взаимодействия.

Итак, были повсеместно распространены: 1) сдача «на откуп» желающим кооперативных мастерских, ларьков, киосков и проч. на условиях ежемесячной уплаты части выручки; 2) заключение договоров с частниками о постройке и оборудовании торговых и производственных помещений под вывеской артели с правом работать от ее имени; 3) продажа в кооперативной торговой сети товаров, принадлежащих спекулянтам, перекупщикам, коррумпированным представителям власти; 4) создание под видом артельных «цехов» или «надомничества» частных предприятий, продукция которых реализуется их владельцами по своему усмотрению; 5) выполнение работ в системе бытового обслуживания без оформления квитанций с последующим присвоением полученных от клиентов денежных сумм; 6) переработка кооперативами давальческого сырья и материалов с отпуском части готовой продукции на сторону за наличный расчет без документов; 7) заключение кооперативными организациями незаконных сделок на заготовку сельскохозяйственных продуктов с предоставлением «теневым» дельцам доверенностей, авансовых платежей, а также возможности бесконтрольно распоряжаться закупленным продовольствием.

На наш взгляд, питательной почвой для отступлений от буквы закона послужила возникшая в конце 1930-х — 1940-е годы в больших промышленных регионах, и в частности на Южном Урале, огромная диспропорция в соотношении тяжелой и легкой промышленности, военного и гражданского секторов. Тотальная милитаризация народного хозяйства предопределила перманентный кризис социальной сферы, особенно остро проявившийся сразу после окончания войны. Стихийно возникавшие рыночные ниши, обусловленные неудовлетворенным потребительским спросом, оставляли экономическим агентам широкий простор для апробации разнообразных «схем», осуществляемых под прикрытием разрешенных законом институтов. Данный фактор носил объективный характер, и его нельзя было устранить административным давлением. Тем не менее власти попытались это сделать, поскольку исходили из того, что коммунистический режим, успешно проведя коллективизацию, форсированную индустриализацию, а затем выдержав тяжелейшее противостояние с нацистской Германией и ее сателлитами, научился проникать во все поры и клетки советского социума и подчинять его жизнедеятельность твердо поставленным целям. Последние же во многом определялись соображениями идеологического порядка.

Поначалу реляции руководителей промысловой системы Челябинской области по поводу атак на частнопредпринимательские элементы внушали оптимизм. Правления артелей срочно оформляли патенты, перечисляя полагающиеся сборы на расчетные счета финансовых отделов исполкомов; в массовом порядке заявляли об отказе от дотаций из Фонда долгосрочного кредитования, обещая самостоятельно изыскать необходимые для продолжения работы средства; брали повышенные социалистические обязательства по выполнению годового задания; заявляли о начале сбора рационализаторских предложений, которые должны были дать ощутимый экономический эффект; гарантировали ликвидацию убыточности и получение сверхплановой прибыли. Сообщалось также о резком увеличении числа стахановцев и ударников, усилении притока новых работников, укреплении трудовой дисциплины и повышении квалификации начальников производств, бухгалтеров и мастеров на образовательных семинарах. Якобы удалось изжить спекуляцию закупаемой сельскохозяйственной продукцией, прекратить махинации с сырьем и материалами, положить конец сомнительным трудовым и арендным соглашениям с посредниками и поднять на должную высоту кооперативную демократию [ОГАЧО, ф. 965, оп. 5, д. 43, л. 64—69; д. 50, л. 59—61].

Однако в действительности все обстояло не так радужно. К январю 1949 года закрылась 141 точка бытового обслуживания. По разным при-

чинам было уволено 20 председателей артелей. Членский состав за год уменьшился на 1693 человека. Наблюдались постоянные перебои в снабжении. Фондовые поставки упали наполовину, а сфера общественного питания не получила от государства ничего. При этом кооператоры жаловались, что возместить потери невозможно, поскольку самозаготовки со второго полугодия 1949 года фактически запрещены.

План по ассортименту удалось выполнить лишь на треть. Две трети товариществ испытывали острую нехватку оборотных средств, поскольку банк за долги заблокировал текущие платежи. После того, как ателье и ремонтные точки были объединены «для улучшения надзора», индивидуальный пошив одежды снизился на 58 %. К несчастью, сгорел цех детских игрушек, и объем их производства упал в 9 раз. По четырем отраслям, которые давали наибольшие накопления, — швейной, сапоговаляльной, хужожественной и галантерейной — снижение составило 9,6 млн руб.

Несколько красноречивых штрихов дополняют картину. В Троицке обувная артель закрыла занимаемые ею помещения и переехала «от греха подальше» в глубинку. В Челябинске перестали производиться бочки и кадки для засолки овощей. Отныне их можно было купить только в одном месте — на городском элеваторном рынке, притом у того же частника. Не удалось запустить гальванический и литейный цеха, которые должны были насытить рынок металлоизделиями. Не получилось наладить выпуск гончарной посуды, мыла, культтоваров. Повсюду отмечались простои из-за отсутствия нужных комплектующих и ингредиентов. Строительно-ремонтные работы составили одну четверть ожидаемого объема. И главное: в области совсем не осталось товариществ, специализирующихся на промысловых занятиях («Челябинский рабочий», 9 сентября 1949 года) [ОГА-ЧО, ф. 965, оп. 5, д. 50, л. 11—18; д. 60, л. 7, 8, 13, 14].

4. Заключение = Conclusions

Таким образом, надо признать, что кооперативная промышленность, несмотря на предоставление ей отдельных преференций, была не в состоянии оперативно адаптироваться к реалиям послевоенного времени и на приемлемом уровне удовлетворять первоочередные запросы населения. В этих условиях активизировались так называемые «частники» — некооперированные кустари, спекулянты-перекупщики, профессиональные толкачи и проч. За годы лихолетья они научились играть на разнице цен, существовавших в системе нормированного снабжения, госзакупок и на так называемом «свободном» рынке, который зачастую являл собой криминализованную городскую барахолку. Данный контингент обладал предпринимательской жилкой, не хотел мириться с вынужденной убогостью окружающего быта и старался

улучшить свое положение, создавая скрытые каналы распределения благ для получения неподнадзорного заработка.

Эффективный способ избежать уголовного преследования за противоправную хозяйственную деятельность, наносившую ощутимый убыток казне, заключался в легальном прикрытии, которое предоставляли промысловые артели. Выплата им рентных платежей за использование патентов и других документальных подтверждений законности совершаемых операций воспринималась «деловыми людьми» как меньшее зло по сравнению с возможной репрессией. Владея конторой, проще было договориться с партнерами и добиться выполнения заключенных контрактов. Открывалась перспектива расширения оборота за счет привлечения новых подрядчиков, пожелавших иметь дополнительный неучтенный доход. Поэтому иногда то, что выглядело как маленькая зарегистрированная мастерская, в действительности представляло собой хорошо оснащенную группу дистрибьюторов.

Сказывался и такой фактор, как покровительство чиновников в рамках неформальных патрон-клиентских отношений. В команде «посвященных», получавших свою долю «за неведение», взаимовыручка становилась неременным условием выживания. Со временем этот скрытый от посторонних глаз кластер, группировавшийся не только вокруг промкооперации, но охвативший также районные союзы потребителей и предприятия государственной местной промышленности, мог эволюционировать в альтернативный центр силы и влияния [Pass, 2025, pp. S186—S187]. Думается, именно здесь кроется разгадка неожиданной, резкой, похожей на вспышку гнева и потому непродолжительной атаки официальных властей на проникновение частника в сферу производства бытовых товаров и услуг во второй половине 1948 года.

После нескольких инспирированных доктринами импульсивных решений пришло осознание избыточности принятых мер, поскольку правительственные программы по повышению благосостояния трудящихся из-за дезорганизации деятельности кооперативов оказались под угрозой срыва. Хотя управленческие усилия партийной вертикали по-прежнему сосредоточивались на ключевых отраслях тяжелой промышленности, от которых зависел ускоренный рост индустриального комплекса страны в целом, негосударственный сектор экономики наглядно, пусть и в негативном свете, продемонстрировал, что он остается значимым компонентом социально-экономической структуры, а потому нуждается не в мелочной опеке и регламентации, а в планомерном совершенствовании.

В таком понимании решение о ликвидации ведомства, которое отвечало «за чистоту артельных рядов», представляется вполне логичным.

В июле 1950 года Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации было упразднено. Всесоюзный, а также республиканские и областные промысловые советы воссоздавались как общественные организации. Перед ними ставилась задача обеспечить неукоснительное соблюдение требований кооперативного устава, развязать инициативу и самостоятельность членов товариществ, поднять их культурный и образовательный уровень, укрепить материально-техническую и сырьевую базу каждого коллективного предприятия. Новации знаменовали частичный отказ от взгляда на кооперативные объединения как на переходные, промежуточные, неполноценные, архаичные, несущие опасность реставрации капитализма и побудили партийных функционеров искать пути их встраивания в социалистическое общество.

Теперь известно, что эти поиски в СССР закончились безрезультатно. После непродолжительного ренессанса промкооперации, пришедшегося на 1950-е годы, она была национализирована [Пасс, 2018]. Существовала ли альтернатива такому исходу? Современные реалии Китая, Вьетнама, Бразилии, Южно-Африканской республики, а также Российской Федерации, придерживающихся концепции «смешанной экономики» при доминировании государственного регулирования, позволяют однозначно сказать «да»: выбор был. Но в рассматриваемый период правящая коммунистическая элита сделала его в пользу безраздельного господства только одной формы собственности на средства производства — общественной. «Стерилизация» народного хозяйства в соответствии с ортодоксальными марксистскими догмами ввергла Страну Советов во всеобъемлющий кризис потребления, предопределивший в конечном итоге ее печальную судьбу.

Заявленный вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.	Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.
---	---

Источники и принятые сокращения

1. Долина Н. О предприимчивых бондарях и нерасторопных торговых работниках / Н. Долина // Челябинский рабочий : [газета]. — 1949. — № 177 (8914). — С. 3.
2. Зверев А. Г. Сталин и деньги / А. Г. Зверев. — Москва : Алгоритм, 2012. — 269 с. — ISBN 978-5-4438-0026-4.
3. ОГАЧО — *Объединенный* государственный архив Челябинской области. Ф. 288 (Челябинский обком КПСС) Ф. 288. Оп. 10. Д. 311. Л. 82, 83 ; Оп. 11. Д. 189. Л. 18 ; Ф. 965 (Челябинский областной промысловый совет) Ф. 965. Оп. 5. Д. 38. Л. 68 ; Д. 43. Л. 3, 4—6, 31, 32, 61, 62, 64—69 ; Д. 44. Л. 49 ; Д. 46. Л. 10 ; Д. 50. Л. 11—18, 59—61 ; Д. 60. Л. 7, 8, 13, 14 ; Ф. 1318 (Челябинский областной союз кооперации инвалидов) Ф. 1318. Оп. 2. Д. 64. Л. 132.

4. РГАЭ — *Российский государственный архив экономики*. Ф. 8090 (Главное управление по делам промысловой и потребительской кооперации. 1946—1950) Ф. 8090. Оп. 1. Д. 354. Л. 126, 128, 130, 131 ; Д. 720. Л. 128—132.

Литература

1. *Аксарин В. В.* Управление по делам промысловой и потребительской кооперации в 1946—1950 годах : взаимодействие центральных и местных органов (на примере Тюменской области) / В. В. Аксарин // *Научный диалог*. — 2020. — № 3. — С. 284—297. — DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297.

2. *Антошкин А. В.* Борьба с частным предпринимательством в предприятиях промысловой и потребительской кооперации Башкирии в 1946—1950 годах / А. В. Антошкин // *Научный диалог*. — 2025. — Т. 14. — № 4. — С. 368—385. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385.

3. *Аполовников А. А.* Экономическая преступность в СССР в годы Великой Отечественной войны (на материалах Южного Урала) / А. А. Аполовников, А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2021. — 360 с. — ISBN 978-5-7271-1770-5.

4. *Осипов В. А.* Частная хозяйственная деятельность в советской экономике 1945—1960 гг. (на материалах Западной Сибири) / В. А. Осипов. — Кемерово : Изд-во Кузбасского государственного университета, 2003. — 125 с. — ISBN 5-89070-332.

5. *Пасс А. А.* «Другая» экономика : производственные и торговые кооперативы на Урале в 1939—1945 гг. / А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2002. — 235 с. — ISBN 5-7271-0579-X.

6. *Пасс А. А.* Советская промысловая кооперация : последнее десятилетие существования (на материалах Челябинской области 1950-х гг.) / А. А. Пасс. — Челябинск : Изд-во Челябинского государственного университета, 2018. — 200 с. — ISBN 978-591274-347-4.

7. *Пасс А. А.* Советское государство и промысловая кооперация во второй половине 1945—1947 годов : от «ручного управления» к «рыночному соглашению» / А. А. Пасс, В. М. Дида // *Научный диалог*. — 2025. — Т. 14. — № 7. — С. 463—486. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486.

8. *Твердюкова Е. Д.* Государственное регулирование торговли в СССР (конец 1920-х — начало 1950-х гг.) : историко-правовой анализ / Е. Д. Твердюкова. — Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. — 328 с. — ISBN 978-5-8465-1084-5.

9. *Федин С. А.* Частное предпринимательство и борьба государства с ним в 1945—1953 гг. (на материалах Нижнего Поволжья) / С. А. Федин // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. — 2011. — № 2. — С. 46—49. — DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385.

10. *Чуднов И. А.* Кооперация минус частная инициатива равно социализм / И. А. Чуднов, В. А. Осипов // *Вестник Белгородского университета кооперации, экономики и права*. — 2013. — № 3. — С. 175—184.

11. *Чуваев Н. А.* Симбиоз и конкуренция : частный кустарь-одиночка и промысловая кооперация в послевоенной экономике Алтая (1945—1953 годы) / Н. А. Чуваев // *Исторический ежегодник : сборник научных трудов* / Гл. ред. А. Х. Элерт. — Новосибирск : Рипэл, 2009. — С. 191—202. — ISBN 978-5-8406-0426.

12. *Шейхетов С. В.* Государственная политика по отношению к частному предпринимательству : 1940-е — середина 1950-х гг. / С. В. Шейхетов // *Маргиналы в совет-*

ском обществе : механизмы и практика статусного регулирования в 1930—1950-е гг. : сборник научных трудов / Отв. ред. С. А. Красильников, А. А. Шадт. — Новосибирск : Институт истории СО РАН, 2006. — С. 190—210. — ISBN 5-943564-60-8.

13. *Edele M.* Stalinist Society. 1928—1953 / M. Edele. — New York : Oxford University Press, 2011. — 367 p.

14. *Hessler J.* A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR / J. Hessler // *Slavic Review*. — 1998. — Vol. 57. — № 3. — Pp. 516—542. — DOI: 10.2307/2500710.

15. *Hessler J.* A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953 / J. Hessler. — Princeton — Oxford : Princeton University Press, 2004. — 366 p. — ISBN 0-691-11492-7.

16. *Millar J. R.* The ABC of Soviet Socialism / J. R. Millar. — Chicago : University of Illinois Press, 1981. — 215 p. — ISBN 0252008456, 0252008723.

17. *Pass A. A.* The Use of the «Economic Theory of Crime and Punishment» in the Study of the Phenomenon of Economic Crime in the Soviet Mobilization-Type Economy / A. A. Pass // *Herald of the Russian Academy of Sciences*. — 2025. — Vol. 95. — Suppl. 2. — Pp. S183—S188. — DOI: 10.1134/S1019331625601276.

18. *Pass A. A.* The conversion of the cooperative industry in the documents of the authorized Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) in the Chelyabinsk region (the second half of 1945—1946) / A. A. Pass, V. M. Dida // *International Science Conference. Science. Education. Practice. September 10, 2025 : Proceedings*. — Delhi : Scientific publishing house Infinity, 2025. — Pp. 111—122.

19. *Robertson J. M.* Review Article : Modernity, Tradition, and the State in Early Soviet History / J. M. Robertson // *Canadian Slavonic Papers*. — 2017. — Vol. 59. — № 3—4. — Pp. 396—401. — DOI: 10.1080/00085006.2017.1366148.

*Статья поступила в редакцию 19.01.2026,
одобрена после рецензирования 14.05.2026,
подготовлена к публикации 21.06.2026.*

Material resources

Dolina, N. (1949). About enterprising coopers and slow trade workers. *Chelyabinsk Worker: [newspaper]*, 177 (8914): P. 3. (In Russ.).

OGACHO — *United State Archive of the Chelyabinsk region. F. 288 (Chelyabinsk Regional Committee of the CPSU) F. 288. Op. 10. D. 311. L. 82, 83; Op. 11. D. 189. L. 18; F. 965 (Chelyabinsk Regional Industrial Council) F. 965. Op. 5. D. 38. L. 68; D. 43. L. 3, 4—6, 31, 32, 61, 62, 64—69; D. 44. L. 49; D. 46. L. 10; D. 50. L. 11—18, 59—61; D. 60. L. 7, 8, 13, 14; F. 1318 (Chelyabinsk Regional Union of Disabled Persons Cooperation) F. 1318. Op. 2. D. 64. L. 132.* (In Russ.).

RGAE — *Russian State Archive of Economics. F. 8090 (Main Directorate for Industrial and Consumer Cooperation. 1946—1950) F. 8090. Op. 1. D. 354. L. 126, 128, 130, 131; D. 720. L. 128—132.* (In Russ.).

Zverev, A. G. (2012). *Stalin and money*. Moscow: Algorithm. 269 p. (In Russ.).

References

Aksarin, V. V. (2020). Management of commercial and consumer cooperation in 1946—1950: interaction of central and local authorities (on the example of the Tyumen re-

- gion). *Nauchnyi dialog*, 3: 284—297. DOI: 10.24224/2227-1295-2020-3-284-297. (In Russ.).
- Antoshkin, A. V. (2025). Struggle with private entrepreneurship in the enterprises of commercial and consumer cooperation in Bashkiria in 1946—1950. *Nauchnyi dialog*, 14 (4): 368—385. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385. (In Russ.).
- Apolovnikov, A. A., Pass, A. A. (2021). *Economic Crime in the USSR during the Great Patriotic War (based on the materials of the Southern Urals)*. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 360 p. ISBN 978-5-7271-1770-5. (In Russ.).
- Chudnov, I. A., Osipov, V. A. (2013). Cooperation minus private initiative equals socialism. *Bulletin of the Belgorod University of Cooperation, Economics and Law*, 3: 175—184. (In Russ.).
- Chuvaev, N. A. (2009). Symbiosis and competition: private individual artisan and commercial cooperation in the post-war economy of Altai (1945—1953). In: *Historical Yearbook: Collection of scientific papers*. Novosibirsk: Ripel. 191—202. ISBN 978-5-8406-0426. (In Russ.).
- Edele, M. (2011). *Stalinist Society. 1928—1953*. New York: Oxford University Press. 367 p.
- Fedin, S. A. (2011). Private entrepreneurship and the state's struggle with it in 1945—1953 (on the materials of the Lower Volga region). *Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities Research of the Russian Academy of Sciences*, 2: 46—49. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-4-368-385. (In Russ.).
- Hessler, J. (1998). A Postwar Perestroika? Toward a History of Private Enterprise in the USSR. *Slavic Review*, 57 (3): 516—542. DOI: 10.2307/2500710.
- Hessler, J. (2004). *A Social History of Soviet Trade. Trade Policy, Retail Practices, and Consumption, 1917—1953*. Princeton — Oxford: Princeton University Press. 366 p. ISBN 0-691-11492-7.
- Millar, J. R. (1981). *The ABC of Soviet Socialism*. Chicago: University of Illinois Press. 215 p. ISBN 0252008456, 0252008723.
- Osipov, V. A. (2003). *Private economic activity in the Soviet economy 1945—1960 (on the materials of Western Siberia)*. Kemerovo: Publishing House of Kuzbass State University. 125 p. ISBN 5-89070-332. (In Russ.).
- Pass, A. A. (2002). *The “Other” economy: production and trade cooperatives in the Urals in 1939—1945*. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 235 p. ISBN 5-7271-0579-X. (In Russ.).
- Pass, A. A. (2018). *Soviet commercial cooperation: the last decade of existence (on the materials of the Chelyabinsk region of the 1950s)*. Chelyabinsk: Publishing House of Chelyabinsk State University. 200 p. ISBN 978-591274-347-4. (In Russ.).
- Pass, A. A., Dida, V. M. (2025). The Soviet state and commercial cooperation in the second half of 1945—1947: from "manual control" to "market agreement". *Nauchnyi dialog*, 14 (7): 463—486. DOI: 10.24224/2227-1295-2025-14-7-463-486. (In Russ.).
- Pass, A. A. (2025). The Use of the “Economic Theory of Crime and Punishment” in the Study of the Phenomenon of Economic Crime in the Soviet Mobilization-Type Economy. *Herald of the Russian Academy of Sciences*, 95 (2): S183—S188. DOI: 10.1134/S1019331625601276.
- Pass, A. A., Dida, V. M. (2025). The conversion of the cooperative industry in the documents of the authorized Party Control Commission under the Central Committee of the CPSU(b) in the Chelyabinsk region (the second half of 1945—1946). *International Science Conference. Science. Education. Practice. September 10, 2025:*

Proceedings. Delhi: Scientific publishing house Infinity: 111—122. DOI: 10.34660/INF.2025.31.76.134.

Robertson, J. M. (2017). Review Article: Modernity, Tradition, and the State in Early Soviet History. *Canadian Slavonic Papers*, 59 (3—4): 396—401. DOI: 10.1080/00085006.2017.1366148.

Sheikhetov, S. V. (2006). State policy towards private entrepreneurship: 1940s — mid-1950s. In: *Marginals in Soviet society: mechanisms and practices of status regulation in the 1930—1950s: collection of scientific papers*. Novosibirsk: Institute of History of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. 190—210. ISBN 5-943564-60-8. (In Russ.).

Tverdyukova, E. D. (2011). *State regulation of trade in the USSR (late 1920s — early 1950s): historical and legal analysis*. Saint Petersburg: Philological Faculty of St. Petersburg State University. 328 p. ISBN 978-5-8465-1084-5. (In Russ.).

*The article was submitted 19.01.2026;
approved after reviewing 14.05.2026;
accepted for publication 21.06.2026.*